

Максим Горький

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ФАКТ

Николай Петрович Дудочка считал себя философом, и это обстоятельство было одной из причин его воскресных прогулок по кладбищу. Он знал троих философов, выработавших себе некоторые особенности: Бенедикт Спиноза любил наблюдать жизнь и нравы пауков и весело смеялся, когда они пожирали друг друга; аккуратность Иммануила Канта служила лучшим средством для проверки часов кенигсбергских обывателей; а товарищ Николая Петровича — Акакий Двоеточие, землемер по профессии, но по призванию тоже философ, всякий раз, когда говорил о чём-нибудь мудром и высоком, задумчиво дёргал себя за левое ухо и во время пауз глубокомысленно высовывал кончик языка, чем как бы дразнил и слушателя, и те вопросы, о которых говорил.

Николай Петрович тоже приобрёл себе особенность — прогулки по кладбищу в воскресенье от двенадцати часов утра до трёх дня.

Случилось это так: однажды он, не зная на что бы убить свободное время, пошёл гулять по городу и незаметно для себя, увлечённый своими думами, очутился на nive мёртвых.

Это было весной. Кустарники и деревья, густо

покрывавшие старое, тесно засеянное могилами кладбище, только что оделись в пышные свежие одежды; их гибкие ветви ласково осеняли камни памятников и поросшие шёлковой зеленью холмы; солнце сияло так молодо и ясно... а когда над могилами проносился лёгкий и душистый весенний ветер, трава и листья меланхолично вздыхали, точно сожалея о тех, что лежат в земле и никогда уж больше, никогда не увидят весны и не послушают её музыки. Тяжёлые памятники, теряясь в зелени, смотрели из неё так хмуро и сосредоточенно и, казалось, были недовольны тем, что эта весёлая весна не оставляет в покое и кладбище, отнимая у них ту солидную важность и тоскливую красоту, которая так полна осенью гармонии с голыми сучьями деревьев, жёлтым листом, опавшим на землю, и с серым, печальным небом. Теперь все они лишились цельности, и это весеннее, яркое небо, и весёлая зелень, и рой бабочек, порхающих повсюду, всё, что принесла с собой весна, — отталкивает их на задний план, тушует собой и как-то обворовывает их.

Николай Петрович ходил по кладбищу и думал о равнодушии природы, о жалкой участи людей, о вечном покое смерти и обо всём, что вызывает в уме вид массы могил, облитых живыми лучами весеннего солнца. Ему понравилось это печальное место; оно так сильно волновало мысли

и заставляло так грустно и глубоко задумываться; понравился ему и самый характер дум, и, наконец, он сам себе понравился, как человек, умеющий подумать о жизни и притом думающий совершенно в духе времени.

Он не любил читать, но пессимизм, тот, что встречается в обыденной жизни, по большей части надутый или рисующийся, редко умный и искренний и никогда философский, — был знаком ему и нравился своим фрондёрством.

Покойный Акакий Двоеточие говорил ему, что пессимизм — это единственная умная теория в свете и что всяк, кто не пессимист, — трус и идиот: «Ты, братец мой, вникни только: всю жизнь насмарку! понимаешь? Всю жизнь! Вот что такое пессимизм!

Самый, братец ты мой, высокий скачок человеческого ума, ибо дальше отрицания жизни никуда не пойдёшь. А коли там разные эти говорят, что, дескать, все должны жить для жизни, плюнь им в рожу! Никакого, братец мой, толку из этой жизни но может быть; я, Акакий Двоеточие, в том тебе порука! Выпьем-ка ещё!..» Они выпивали, — и бедняга Акакий допился, наконец, до белой горячки, чем закончил свою жизненную карьеру и дал лишний предлог своему товарищу чаще посещать кладбище.

Потом он уже настолько привык, что то